VI открытая городская научно-практическая конференция учащихся и педагогов учреждений дополнительного образования «НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ»

Секция: Искусствоведение

«Смех» и «страх» в повести А. Н. Толстого «Мишука Налымов» («Заволжье»)

Филатов Виталий Вячеславович,

ученик 11б класса

МБОУ «Школы № 36 с углубленным изучением

отдельных предметов» г. о. Самара.

Руководитель:

Михаил Анатольевич Перепёлкин,

д.ф.н., профессор

кафедры русской и зарубежной литературы

и связей с общественностью

Самарского университета;

Павлова Анна Леонтьевна,

учитель русского языка и литературы

МБОУ «Школы 36 с углубленным изучением

отдельных предметов» г. о. Самара.

Самара 2016

Оглавление

I.Введение - 2

1.1. История создания повести - 2

1.2. Изучение повести - 4

1.3. «Комическое» и «трагическое»: границы понятий - 5

II.Смех в повести: техника комического - 7

2.1. Смешные герои - 7

2.2. Смешные ситуации и детали - 9

III.Страх в повести: анатомия трагического - 10

3.1. Страшные конфликты и герои (страшное в героях) - 10

3.2. Страшные детали - 12

IV.Диалектика комического и трагического как принцип организации художественной структуры повести - 14

4.1. Трагическое и комическое в образе главного героя - 14

4.2. Смысл названия повести - 15

4.3. Смех и слезы как маркеры начала и конца; смешение маркеров – причины и следствия - 15

V.Заключение - 17

VI.Список литературы - 18

I. Введение

1.1. История создания повести

Повесть «Мишука Налымов» была впервые напечатана под заглавием «Заволжье», с посвящением «Посвящаю моей жене», в 12 книге литературно-художественного альманаха «Шиповник» за 1910 год. Рукопись повести, хранящаяся в архиве А. Н. Толстого, не датирована. Время условно относят к весне-лету того же, 1910-го года.

Сюжет повести и ее центральные образы навеяны семейными хрониками. По воспоминаниям М. Л. Тургеневой, тётки писателя, одна из ее сестер — Ольга Леонтьевна — была влюблена в своего дальнего родственника Сергея Шишкова, «а он ухаживал, но не всерьез, — что ни город, то новое увлечение». В 1882 году Ольга Леонтьевна вышла замуж за старшего из братьев Шишковых — Николая, а через год умерла от скоротечной чахотки, — по семейным преданиям — от несчастной любви. Сергей и Николай Шишковы, которых А. Толстой знал уже в более поздний период, послужили ему прообразами Сергея и Никиты Репьевых. Для образа Петра Леонтьевича Репьева А. Н. Толстой взял некоторые факты биографии и отдельные черты характера своего деда — Леонтия Борисовича Тургенева. О нем Мария Леонтьевна пишет: «…отец мамину часть (земли) продал за 30 тысяч. Все деньги затратил на суконную фабрику, и эта фабрика сгорела незастрахованная, отец никогда не страховал ничего…»). Мягкий по характеру, малопрактичный, Леонтий Борисович в 1890-х годах разорился и жил некоторое время у своей сестры, а затем у родственницы — М. Ю. Шишковой в имении Репьевка — Архангельское тож. Одну из фамильных фотографий, на которой снят Леонтий Борисович со своей сестрой А. Толстой использовал для описания внешности брата и сестры Репьевых в начале второй главы повести.

Косвенные данные позволяют предположить, что, создавая образ Мишуки Налымова, писатель опирался на биографические данные и отдельные черты характера дальнего родственника Тургеневых — Михаила Михайловича Наумова — предводителя дворянства одного из уездов Симбирской губернии.

М. Л. Тургенева пишет в своих воспоминаниях, что родня называла его Мишукой. В романе «Сестры» А. Н. Толстой вскользь упоминает о симбирском суконном фабриканте, «которому в свое время в Троицкой гостинице в Симбирске помещик Наумов проломил голову, прошибив им дверную филенку. Мишуку Налымова за подобную выходку корит Ольга Леонтьевна. Повестью «Заволжье» писатель открыл свою первую книгу прозы «Повести и рассказы», вышедшую в издательстве «Шиповник» в конце 1910 года. Кроме «Заволжья», в сборник входили «Неделя в Туреневе», «Аггей Коровин», «Два друга» и «Сватовство».

Повесть «Заволжье» автор ставил на первое место во всех сборниках произведений, темой которых, по его определению, была «трагикомедия остатков погибшего класса», а персонажами «либеральные чудаки, вымирающие зубры, деклассированные господа, сохранившие от былого величия подусники и красный околыш». Общим заглавием «Заволжье» А. Н. Толстой в 1917 году объединил повести и рассказы I-го тома собрания своих сочинений. В 1922 году повесть «Заволжье» подверглась значительной переработке. В новой редакции, под названием «Мишука Налымов», со сноской к заглавию: «Новый вариант повести “Заволжье”» напечатана в альманахе «Струги», книга 1, издательствово «Май-фред», Берлин, 1923. Кроме большой стилистической правки, коснувшейся почти каждого абзаца, автор значительно развил характеристикой действующих лиц. В новой редакции подчеркнуты черты самодурства Мишуки Налымова, называется его официальное положение предводителя дворянства и несколькими штрихами раскрываются политические воззрения этого персонажа. Более глубокое психологическое раскрытие получил образ Веры Ходанской в сценах с Никитой, Сергеем и Мишукой. Снял автор в процессе переработки некоторую гротескность в описании чудачеств Петра Леонтьевича и акцентированное подчеркивание глухоты Никиты. В последующих публикациях повесть автором почти не правилась.

1.2. Изучение повести

Прочитав эту повесть А. Н. Толстого, М. Горький писал 20 ноября 1910 года М. М. Коцюбинскому: «Рекомендую вниманию Вашему книжку Алексея Толстого, — собранные в кучу его рассказы еще выигрывают. Обещает стать большим, первостатейным писателем, право же!» (Горький, с. 138). В это же время М. Горький писал в Болонью слушателям Высшей социал-демократической школы для рабочих: «Хотелось бы побеседовать с Вами о Толстом (Льве) и о целом ряде литературных явлений последнего времени, — меня утешает лишь то, что товарищ Луначарский может рассказать нам об этом блестяще и шире, чем мог бы я. Обратите его внимание на нового Толстого, Алексея — писателя, несомненно, крупного, сильного и с жестокой правдивостью изображающего психическое и экономическое разложение современного дворянства. К сожалению, я не могу послать Вам книжку Толстого, у меня ее утащили, — Вам было бы приятно и полезно познакомиться с этой новой силой русской литературы». «Лучше, если бы вы прочли его целостно – именно в цельной картине можно рассмотреть всё, что Алексей Николаевич хотел сказать по поводу этой интересной темы – "Заволжье". Мне она в какой-то степени тоже близка, так как сам с молодых ногтей живу приблизительно «в тех краях» (Горький, с. 150).

Являясь одним из самых ранних произведений А. Н. Толстого, повесть «Мишука Налымов» в дальнейшем оказалась заслонена для большинства читателей и исследователей другими произведениями писателя. В силу этого специальных исследований, посвящённых этому произведению А. Н. Толстого, в науке не возникло. Хотя авторы, обращавшиеся к творчеству писателя 1910-х годов, как правило, упоминают ее среди самых ярких сочинений этого периода, оказавших влияние на дальнейшее творчество А. Н. Толстого. Именно в этом контексте повесть «Мишука Налымов» рассматривалась В. П. Скобелевым, С. Боровиковым и некоторыми другими учёными.

Вместе с тем, в повести «Мишука Налымов» имеется ещё целый ряд аспектов, на которые до сих пор исследователи не обращали внимания. На

некоторых из них мы и сосредоточимся в нашей работе. Именно такими аспектами являются комическое и трагическое начала, связываемые нами со «смехом» и «страхом» в повести.

1.3. Комическое и трагическое: границы понятий

Поскольку ключевыми для данной работы являются понятия «комического» и «трагического», определим их объём и границы.

«Трагическое» означает форму драматического сознания и переживания человеком конфликта с силами, угрожающими его существованию и приводящими к гибели важные духовные ценности. Трагическое предполагает не пассивное страдание человека под бременем враждебных ему сил, а свободную активную деятельность человека, восстающего против судьбы и борющегося с ней. В трагическом облике человек выступает в переломный, напряженный момент своего существования.

«Комическое» принадлежит к числу основных эстетических категорий. Существуют различные трактовки его места в системе эстетических категорий. Иногда его понимают как категорию полярную трагическому или возвышенному. Например, немецкий писатель и теоретик искусства Жан-Поль определил комическое как «оборотную сторону возвышенного». Но многие авторы считают его категорией эстетики имеющей такое же значение, как и все остальные. Сфера комического чрезвычайно многообразна, в нем выделяются различные стороны и оттенки от мягкого юмора до устрашающего гротеска. Комическое во всех своих модификациях обладает огромным воздействием, элементы комического входили как составные части в произведения художественного творчества от самых примитивных до наиболее развитых. Элементы комического включают даже поэмы Гомера. В философии и эстетике распространено мнение, согласно которому комическое отличается от элементарно-смешного своей социально-критической направленностью. Смешным может быть всякий контраст цели и средства, намерения и результата. В частности, С. А. Голубков вслед за Ю. Б. Боревым утверждает следующее:

«Смешное шире комического. Комическое — прекрасная сестра смешного. Комическое порождает социально окрашенный, значимый, одухотворенный эстетическими идеалами, „светлый“, „высокий“ смех, отрицающий одни человеческие качества и общественные явления и утверждающий другие» (Голубков, с.90). Области смешного и комического имеют общий смысловой фон, но различаются в некоторых частностях. Их можно представить как два почти совмещенных друг с другом логических круга. Узкая область смешного, выходящая за пределы комического, включает в себя смех как чистое физиологическое явление, например, смех от щекотки или истерический смех. Область комического, выходящая за пределы смешного, включает в себя явления, в большей или меньшей степени соответствующие структуре комического, но не вызывающие явной смеховой реакции. К этой области можно отнести резкую обличительную сатиру, намеки, некоторые остроты, исторически обусловленное комическое. В двух оговоренных случаях можно говорить только о смешном или только о комическом. В большинстве же ситуаций сферы комического и смешного совпадают. В этих случаях допустимо использовать понятия «смешное» и «комическое» как синонимы.

Таким образом, объектом нашего исследования является повесть А. Н. Толстого «Мишука Налымов» («Заволжье»).

Предметом исследования являются трагическое и комическое в этой повести А. Н. Толстого.

Целью исследования является определение функций комического и трагического начал, а также их взаимодействия в повести «Мишука Налымов» («Заволжье»).

Для достижения данной цели нами были выдвинуты следующие задачи:

1) Рассмотреть проявления комического начала в повести;
2) Изучить «анатомию трагического» в повести;
3) Исследовать диалектику «комического» и «трагического» как принцип организации художественной структуры данной повести.

II. Смех в повести: техника комического

Повесть «Мишука Налымов» – это история о самодовольном и наглом ставропольском помещике, у которого много денег и всего, чего только можно пожелать. Он любит выпить, закусить, любит развратничать и чувствует себя везде Господом Богом. К примеру, многие стараются не ездить по его земле, так как Мишука может за это как-нибудь наказать и даже затравить собаками.

Налымов – это очень точный портрет дворянских деспотов того времени. Они жили так, что все вокруг работали на них и преклонялись перед ними, потому что боялись господского гнева.

В повести «Мишука Налымов» довольно простой линейный сюжет: избалованный помещик не первой свежести захотел лакомого кусочка – 19-летнюю красотку Веру, которая живёт по соседству у разорившихся господ Репьевых. Но Вера отказывает ему, а потом неожиданно для самой себя выходит замуж за нелюбимого ровесника Никиту.

А теперь посмотрим на то, как реализуется в повести комическое («смешное») начало. Для этого отдельно рассмотрим «смешных» героев и «смешные» ситуации и детали.

2.1. Смешные герои

Уже в самом начале повести автор показывает Мишуку «смешным» персонажем – с «затылком в три складки, с отвислыми усами»:

> «Михал Михалыч Налымов, - с отвислыми усами, с воловьим, в три складки, затылком, и поглядывает, натупясь, на проезжающий тарантас».

И далее:

> «Мишука надел парусиновую поддевку, взял в руки белый картуз с красным околышем, короткий арапник…».

Важно заметить, что описываемое действие происходит во дворе усадьбы: «Кругом одни только ямины, да лужи грязи». Комический эффект создается за счет контрастности одежды Мишуки, который помещается автором в определенный пространственный контекст: данная одежда не предназначена для деревни, - в ней можно пойти в театр, в гости, но не на двор, на котором лужи грязи.

Описание одежды кучера тоже не гармонирует с деревенской местностью: «Кучер, в черной безрукавке, с малиновыми рукавами, снял осыпанную мелом перчатку…», а перед этим говорится, что «конюх вошел копытами в рыхлую землю». Автор, да и читатель смеются над нелепостью происходящего.

Очень смешно выглядит и описание Бебе, Шушу и Капризули. Первое действие с их участием происходит не то на озере, не то на болоте (автор называет это место озером, хотя вокруг «плавает тина, лягушки перепрыгивают сухие ветви кустарников»). Три девушки одеты необычно: Бебе надела на себя бледно-желтое платье с белым околышем (такой тип платьев относят к английским, аристократическим), шляпку, чистые белые перчатки. Одевшись так, она села в старую лодку, взяла этими «белыми» руками грязные, подгнившие весла и принялась грести по мутной воде. Автор открыто демонстрирует свою иронию по отношению к дамам (все были одеты похоже: Шушу надела теплую шаль молочного цвета, Капризуля надела голубовато-серый сарафан). Читатель смеется над нелепостью происходящего. Какой же человек наденет «аристократическую» вещь, когда он едет в дикую местность, где вокруг валяется множество сухих веток, прыгают лягушки, и не пойми что за водоем – озеро или болото?

Таким образом, А. Н. Толстой создает эффект комичности именно за счет дисгармонии описания внешности и одежды персонажей с окружающим миром. Никто другой из авторов не проводил такую параллель «сравнений», которая привела к комичности.

2.2. Смешные ситуации и детали

Довольно комично выглядит ситуация с «дуэлью», хотя она и могла бы привести к плачевным последствиям.

> «- С удовольствием. Предварительно нам только придется с тобой стреляться.
> - Что? - Мишука привстал.
> Но Сергей сейчас же ударил его по щеке. Мишука опять сел, страшно сопя, - начал расправлять локти, но соображение у него работало туго».

Здесь раскрывается сам образ Мишуки: имя Мишука словно произошло от близкого по значению слова «мишка», «медведь». Как мы все знаем, медведь очень неуклюж, но в тоже время представляет опасность для окружающих; он немного медлителен в своих действиях. А. Н. Толстой дает прекрасное описание «повадок» Мишуки: «Мишука, все свирепея, сидел на лавке, пот лился по его вискам и носу из-под фуражки... Наконец он замахнулся и со всей силы ударил по столу - доска треснула». Герои повести иной раз даже называют его «Мишкой».

Смешная ситуация происходит и в лесу, когда Мишука «заревел» от переполненной злости. Здесь автор явно говорит читателю: «Какой же он человек, он самый настоящий медведь - животное». И опять возникает комический эффект: человек ведёт себя по-медвежьи, превращаясь в животное.

Имя героя придаёт дополнительный эффект комичности самому герою, в некоторых случаях раскрывают его образ и сущность. Аналогичным образом имя делает комичным и образ другой героини – Клеопатры. Само имя Клеопатра происходит из Древнего Египта: так звали жену фараона. Но какой фараон в деревне!? Это имя явно не подходит для «девки». Автор смеётся над этой деревенской Клеопатрой, и вместе с ним смеётся читатель.

III. Страх в повести: анатомия трагического

3.1. Страшные конфликты и герои

«Ольга Леонтьевна спросила:

- Что он говорит? Завтра? Ох, трудно ему помирать...

- Завещание спрашивают...

Клеопатра достала из буфетного ящика сложенный лист бумаги, подошла к лампе:

- Для этого вас и вызвали, для свидетельства. И она стала читать: "Пахотную землю всю, - луга, леса, пустоши, усадьбу и прочее, - жертвую, помимо ближайших родственников, троюродной племяннице моей Вере Ходанской, по мужу Репьевой, во исполнение чего внесено мною в симбирский суд векселей на миллион пятьдесят тысяч. Деньгами пятнадцать тысяч дать девке Марье Шитиковой по прозванию Клеопатра за верность ее и за мое над ней надругательство. Ближайшим родственникам, буде таковые найдутся, дарю мое благословение, деньгами же и землями - шиш".

Строго поджав губы, слушала Ольга Леонтьевна странное это завещание. Когда чтение окончилось и Мишука, кряхтя и морщась, сложил действительно из трех пальцев непомерной величины шиш, - который предназначался ближайшим родственникам, - Ольга Леонтьевна всполохнулась:

- Спасибо, Мишенька, что не обидел сироту, не скажи - почему ей такая честь?..

- Обесчестить ее хотел, - проговорил Мишука, - Веру-то, за то ей и дарю.

- Через нее всех нас выгнали из дому, как собак, - сказала Клеопатра.

Тогда Ольга Леонтьевна стала совать в ридикюль очки и носовой платок и решительно подступила к Мишуке:

- Да как ты посмел! Вотчинами хочешь откупиться, пакостник. Ногой в гробу стоит, кукиши показывает, а на уме - озорство. За могилой обесчестить женщину норовит... Дай сюда завещание.

Она вырвала у Клеопатры бумагу и, скомкав, бросила ее Мишуке в лицо:

- Прощай!».

Мишука раскрыл всю правду, всю истину. С одной стороны ситуация немного смешна, словно актерская игра, которая выглядит ненатурально. С другой стороны, все обстоит гораздо хуже, чем на самом деле. Приставая к племяннице, Мишука нарушает не одну заповедь. А это страшно, потому что такие люди, как он, позволяют себе все, думая, что они выше всех.

Но любое деяние наказуемо, и герой «рухнул в кресло, в заскрипевшие пружины. Повалилась голова на грудь. Изо рта хлынула сукровица...». Мишука расплатился за грехи своей жизнью.

А. Н. Толстой словно предвидел многие проблемы как своего, так и нашего времени, которые просто не могут исчезнуть из жизни.

Вторая ситуация также выглядит, с одной стороны, довольно комично, но, с другой, она очень страшна.

«Мишука, все свирепея, сидел на лавке, пот лился по его вискам и носу из-под фуражки... Наконец он замахнулся и со всей силы ударил по столу - доска треснула.

Взяв дуэльный ящик, братья бегом вернулись к пруду, но беседка была пуста. Сергей крикнул:

- Налымов, Мишка, Мишука!

В ответ лишь завозилась грачиха в гнезде в темных ветлах.

- Вот тебе раз, - сказал Сергей, - удрал. Ну, погоди!

Он зарядил пистолеты и выстрелил два раза в воздух... Круглое эхо покатилось по пруду. Закричали грачи спросонок. Братья,

смеясь, пошли к дому. В узком месте тропинки из акаций вышла навстречу Вера…».

Мишука мог лишиться жизни, мог потерять все в один момент. Но страшно не только за Налымова, но и за его трусливый поступок. «Трусость – низший порок человека», - И. Ф. Гете. Гете точно заметил, что трусость - это самый страшный, низкий порок в человеке. Мишука просто сбегает с поля «битвы» и вместе с тем старается убежать от данной проблемы. Но, убегая от проблемы, он делает ее все серьезнее и неразрешимее.

3.2. Страшные детали

«Смешная», как было показано выше, повесть, полна «страшных» деталей. Именно таким, страшным, является, например, ее финал, в котором изображается ужасная предсмертная агония и смерть главного героя:

«Мишука, разинув рот, вывалил язык, будто собираясь заглотить черную девку.

- По... по... попа, - выдавил он из чрева. И рухнул в кресло, в заскрипевшие пружины. Повалилась голова на грудь. Изо рта хлынула сукровица...

Ольга Леонтьевна только мелко, мелко крестилась:

- Упокой, господи, душу раба твоего... Клеопатра, не торопясь, подошла и прикрыла Мишуке лицо чистой салфеткой».

Но страшна не только смерть Мишуки. Страшна и его жизнь, состоящая из кошмарных будней, наполненных бесчинствами и грязными кутежами.

«Бог знает, что взбредет в голову Мишуке: велит догнать проезжего и звать в гости, лошадей отпрячь и - в табун, тарантас - в пруд, чтобы не рассохся. Или - не понравится ему проезжий -

перегнется за окошко и закричит: "Спускай собак, - моя земля, кто разрешил мимо дома ездить, черти окаянные!.." А налымовских собак лучше и во сне не видеть. Или в зимнее время прикажет остановить проезжего и дать ему метлу - замести за собой след через двор. Хочешь не хочешь - вылезай из саней, мети. А около сидят собаки с обмерзшими усами. Так знающий уездные порядки далеко огибал по степи налымовскую усадьбу».

Рассеянные по повести, эти «страшные» детали, часто не заметные и теряющиеся в других подробностях, подготавливают ужасную развязку, которая становится закономерным итогом угасающей жизни героя.

IV. Диалектика «комического» и «трагического» как принцип организации художественной структуры повести

4.1. Комическое и трагическое в образе главного героя

С одной стороны мы видим такую картину: «Михал Михалыч Налымов, - с отвислыми усами, с воловьим, в три складки, затылком, и поглядывает, натупясь, на проезжающий тарантас». Герой неуклюж, смешон для публики. Это зажиточный человек, который не может разумно оценить ситуацию, приспособиться к ней: «Мишука надел парусиновую поддевку, взял в руки белый картуз с красным околышем, короткий арапник…». Действие это происходит в деревне, где кругом грязь, ямины, где и ступить-то нельзя, чтобы не испачкаться. А Мишука надевает «парусиновую поддевку», «арапник с красным околышем». Это – явная несуразица. Мишука действительно смешон для читателя своей неаккуратностью, неприспособленностью.

Но с другой стороны, Налымов – страшная личность: во-первых, он видит только себя - больше никого, ни о ком не заботится; во-вторых, он прелюбодействует со своей племянницей (Верой), что является смертным грехом. Следовательно, он нарушает еще и законы Божьи, что тоже страшно (ведь Мишука не страшится Божьей кары, следовательно, его ничего уже не пугает); в-третьих, он не ценит людей, находящихся рядом с ним. Ольге Леонтьевне он «шиш» дал, хотя она для него много сделала, и, возможно, она является единственной, кто с потерей Мишуки, потерял часть своей жизни, души и своего сердца.

Мишука – очень необычный персонаж. Видимо, поэтому читатель в одно и то же время симпатизирует ему и жалеет его, и – ненавидит за все его пакостные, низкие деяния. Последняя сцена жизни Мишуки показывает то, как он расплатился за свои поступки: он лишился имения, земли, слуг, а самое страшное, своей жизни. В конце своей жизни Налымов понимает, что он натворил; но уже слишком поздно, ничего уже не исправить.

4.2. Смысл названия повести

Повесть дважды переиздавалась. Первое ее название – «Заволжье» – понять очень просто: это родные места ее автора, где он жил со своими родственниками, близкими. Именно в Заволжье жили те родные и знакомые ему люди, которые позже стали героями повести. Но это только первое название.

А вот почему «Мишука Налымов»? А. Н. Толстой сам ответил на этот вопрос второй редакцией повести, кроме большой стилистической правки, коснувшейся почти каждого абзаца, значительно развив характеристики действующих лиц. В новой редакции, как уже указывалось, подчеркнуты черты самодурства Мишуки Налымова, называется его официальное положение и несколькими штрихами раскрываются его политические воззрения.

Название «Мишука Налымов» означает не одного только центрального героя, но и всё, что вмещает в себя эта повесть, - самодурство, граничащее с расчеловечиванием, анекдотизм многих ситуаций и героев, всю умирающую жизнь – ещё как будто бы тлеющую в Мишуке и ему подобных, но фактически – уже погасшую, догоревшую.

4.3. Смех и слезы как маркеры начала и конца; смешение маркеров – причины и следствия

Под «смехом» и «слезами» мы имеем в виду комическое (смешное) и трагическое (страшное) начала, взаимодействие которых выступает, с нашей точки зрения, в качестве конструктивного (организующего) принципа художественной структуры повести.

Обычно «смех» и «слёзы» маркируют собою «крайние» ситуации человеческой жизни – начало и конец, рождение и смерть. В «правильной» ситуации гармонии, порядка, смех и слёзы не смешиваются, занимая свои места и отвечая за те смысловые функции, которые закрепились за ними в культуре. Но ситуация, изображённая А. Н. Толстым, - не нормальная, и именно поэтому «смешное» и «страшное» в повести наступают друг другу на пятки,

смешиваются и порой трудно дифференцируемы. В этом и состоит, с нашей точки зрения, художественное открытие раннего А. Н. Толстого, заставшего мир в кризисную эпоху, когда крайние точки сместились со своих мест и смешное – страшно, а страшное – смешно. А. Н. Толстой не даёт ответа, как выжить в таком мире, но он показывает, что мир – именно таков, и не видеть этого дальше человек не имеет права.

V. Заключение

Таким образом, мы достигли цели нашего исследования.

Мы рассмотрели историю создания повести и историю ее изучения, а также определили границы понятий «трагического» и «комического», которые в работе выступают синонимичными понятиям «страшное» и «смешное».

Далее мы сосредоточили наше внимание на «технике комического» и «анатомии трагического» в повести.

Так, рассмотрев героев, мы смогли найти в одних и тех же персонажах как смешное, так и страшное. Более того, как показал анализ, одни и те же характеристики, детали т.д. могут выступать при определённом рассмотрении их как проявления одного, так и другого начала. То же можно сказать и о взаимоотношениях между героями, которые подчас являются как смешными, так и ужасными.

В результате проделанной работы мы пришли к выводу о том, что взаимодействие комического и трагического начал выступает в качестве конструктивного принципа художественной структуры повести «Мишука Налымов», в которой А. Н. Толстой изобразил страшно-смешной (смешно-страшный) мир, где больше не работают когда-то очевидные культурные механизмы. Этот мир – мир смещённых ценностей и нарушенных границ между ужасом и весельем. Писатель не даёт ответа на вопрос, что делать человеку в этом мире, но он показывает ему, что закрывать на это глаза больше нельзя.

VI. Список литературы

1. Алексей Толстой. Повести и рассказы. Куйбышев, 1975.
2. Варламов А. Алексей Толстой. Биография. Москва, 2008.
3. Голубков С. А. Мозаика смеха: поэтика комического в литературном произведении. Самара, 2004.
4. Горький М. Собрание сочинений: В 30-ти тт. Том 29.
5. Оклянский Ю. М. Шумное захолустье. Куйбышев, 1965.
6. Петелин В. Заволжье. Москва, 1982.
7. Семиотика страха. Сборник научных статей. Санкт-Петербург, 2004.
8. Скобелев В. П. В поисках гармонии. Художественное развитие А. Н. Толстого 1907 – 1922 гг. Куйбышев, 1982.
9. Толстая Е. Ключи счастья. Алексей Толстой и литературный Петербург. Москва, 2013.
10. Третий Толстой и его семья в русской литературе. Сборник научных статей. Самара, 2003.